

После многократных обещаний, что они сюда ещё вернутся, ему всё-таки удалось вытащить Гермиону из книжного. У них даже осталось немного времени, чтобы насладиться мороженым.

Когда они снова вошли в банк, Гарри обратил внимание, что на этот раз клиентов там – раз, два и обчёлся. Похоже, в субботу после обеда в Гринготтсе довольно тихо. К ним моментально подошёл Грипхук, поклонился и пригласил следовать за собой. Юноша вернул поклон и в сопровождении советников двинулся за провожатым.

Вскоре компания снова оказалась у кабинета директора банка. К удивлению волшебников, охрана поприветствовала их, склонив голову и прижав свободную от оружия руку к груди. Не совсем понимая, как себя вести, Гарри вернул явно почтительный жест, и только потом зашёл внутрь. Как только трио оказалось в кабинете, Рагнок встретил их таким же образом. Гарри повторил жест, а остальные просто поклонились.

Директор сразу же взял быка за рога.

– Мистер Поттер, Гринготтс благодарит вас за возможность просмотреть ваши воспоминания о сражениях с Лордом Волдемортом. Мы действительно это ценим. Мы, нация гоблинов, признаём вас настоящим воином и готовы оказать вам воинские почести.

Теперь Сириус и Гермиона выглядели немного ошеломлёнными. Да и сам «виновник» удивился – такого он точно не ожидал.

– У меня накопилось к вам довольно много вопросов.

Юный маг ещё раз подтвердил, что согласен на них ответить, и Рагнок продолжил:

– В одном из воспоминаний вы сражались с волшебником за философский камень. Как это получилось?

Гарри подробно рассказал об этом инциденте, попросив Гермиону ему помочь. В какой-то момент хозяин кабинета встрепнулся.

– Кто ещё знал, что это существо несёт ответственность за взлом хранилища в нашем банке? И почему нас никто не известил?

Гость задумался.

– До сражения мы даже не знали, кто это. А позже профессор Дамблдор и, возможно, профессор Снейп самостоятельно пришли к такому же выводу. Лично я думал, что профессор Дамблдор сообщил вам об этом. А мы всё равно могли это сделать только значительно позже.

Теперь в раздумья погрузился Рагнок.

– Какова судьба туши монстра Слизерина?

– Она по-прежнему лежит в Тайной Комнате. Кроме меня туда может войти только Том Риддл, известный как Волдеморт. Но в замке я распоряжаться не могу.

Директор банка покачал головой.

– Согласно законам и обычаям, убивший магическое существо, если это не случилось в заповеднике или в местах для их разведения, обладает правом владеть его тушей и любыми доходами, которые с ней связаны. А из-за того, что василиски в настоящее время очень редки,

это – довольно большая ценность. А где находится меч, которым вы убили чудовище? – было заметно, что, задавая этот вопрос, Рагнок напрягся.

Гарри уже знал, как гоблины относятся к изделиям, которые созданы представителями их расы. Они считали, что эти предметы принадлежат создавшему их гоблину и его потомкам, а волшебник, для которого был изготовлен артефакт – всего лишь арендатор. Но он и понятия не имел, что этот меч выковал предок нынешнего главы нации гоблинов.

Кстати, именно по этой причине гоблины больше не продавали свои изделия волшебникам. Договор, согласно которому семьи волшебников могли хранить у себя уже купленные артефакты (в своё время его заключили после очередной войны), был для гоблинов костью в горле. А с теми, кто владел подобными предметами (а это, как правило, чистокровные семьи), гоблины вели себя настолько холодно, насколько это возможно. И никогда не защищали их интересы, если считали, что им это сойдёт с рук.

– Он сейчас в кабинете директора Хогвартса. Это – меч Годрика Гриффиндора. Для школы – настоящая реликвия. Как утверждает профессор Дамблдор, в случае крайней необходимости его может призвать любой настоящий гриффиндорец.

Что ж, где находится меч – теперь известно. А волшебник, который хранит его у себя, выдаёт меч за собственность школы. Ладно, оставим этот вопрос на потом. Похоже, у Альбуса Дамблдора есть все шансы почувствовать на собственной шкуре, что такое гнев нации гоблинов.

– Есть ещё один очень важный вопрос. Знаете ли вы, каким образом Том Марволо Риддл управлял той девочкой при помощи дневника?

Собеседник кивнул, а потом попросил перо и кусочек пергамента. Боб специально предупредил, что в присутствии гоблинов вслух это слово произносить нельзя. Гарри, правда, так и не понял, почему, но к совету решил прислушаться.

Юноша написал одно слово и передал пергамент обратно директору. Лицо Рагнока мгновенно посуровело. Он тут же поднялся и заявил:

– Мистер Поттер, здесь этот вопрос обсуждать нельзя. Не могли бы вы пройти в мой личный кабинет? Мистер Блэк, я готов принести клятву, что ни вашему подопечному, ни вам, ни мисс Грейнджер ничего не угрожает.

Увидев, как резко изменилось поведение главы нации гоблинов, Сириус был потрясён.

– Я согласен со своим крестником: мне достаточно вашего слова.

А Гермиона серьёзно заволновалась: когда кто-то расстраивал гоблинов, ничем хорошим это для него не заканчивалось. Правда, когда директор предложил поклясться, девушка немного успокоилась. И по-прежнему очень хотела узнать, чем всё это обернётся.

Рагнок, капитан его стражи и Гарри проследовали к ещё одной двери, которая находилась позади стола. Первый вошёл внутрь и сделал приглашающий жест.

Этот кабинет оказался гораздо меньше главного, а его стены были облицованы цельным чёрным камнем (что это такое, гость так и не сообразил). Вместо стульев вдоль стен стояли каменные скамьи. На полках (тоже каменных) лежали странные, но очень красивые инструменты, а в шкафу позади стола – явно старинные книги.

Рагнок сел на собственную скамью и указал волшебнику место напротив. После того, как тот устроился, гoblin внимательно на него посмотрел и задал вопрос:

- Что вы знаете об этом мерзком порождении самой чёрной магии, о котором здесь написали? – и он указал на лежавший перед ним пергамент с единственным словом: "хоркрукс".

Рагнок выжидающе смотрел на гостя. А Гарри ещё никогда не видел такого заинтересованного гоблина, особенно если вспомнить, что тот ждёт рассказа волшебника.

- Надеюсь, этот разговор останется между нами?

Последовал мгновенный ответ:

- Дело в том, что две тысячи лет назад эта злая магия сильно навредила нашему народу. Именно тогда руководство нации гоблинов наложило строжайший запрет на всё, что касается этой мерзости. С тех пор передавать любую информацию об этой магии строжайше запрещено. Причём это касается не только волшебников, но и любых других магических существ. При первой же возможности мы ликвидировали любые крупницы знаний об этом ужасном волшебстве. А как уничтожить эти предметы, знали только наши воины, разрушители проклятий и волшебники, которых мы считали достойными.

- С тех времён в любом нашем договоре есть пункт, согласно которому каждый, кто совершает это отвратительное колдовство, становится врагом нации гоблинов, и мы имеем полное право его устранить. Любому магическому существу, сообщившему об использовании этой магии, гарантировано вознаграждение, за исключением случаев, когда оно само его применило. А вознаграждение выплачивается из активов врага, которого мы убиваем.

- Каждое существо, которое сознательно скрывает или передаёт другим эти отвратительные вещи, мы преследуем любым доступным для нас способом. В этом случае мы уничтожаем его только финансово. Но если окажется, что оно имеет отношение к созданию такого предмета – заодно и физически.

- Поэтому, мистер Поттер, можете не сомневаться: за пределами Гринготтса о нашей беседе не узнает ни одна живая душа.

«Ничего себе», – подумал Гарри. – «А Боб-то оказался прав – можно на самом деле спокойно сидеть и смотреть шоу».

- Мне известно, что Том Марволо Риддл, потомок Салазара Слизерина, создал семь таких предметов: шесть – преднамеренно, и один – неумышленно. – Услышав последнюю фразу, Рагнок встрепетнулся.

- Мой шрам появился, когда благодаря жертве моей матери от меня отскочило смертельное проклятье. Именно под ним и затаилась эта гадость. Она стала седьмой и последней, а разрушили её боль и жертва. А первым был дневник Риддла. Его я уничтожил клыком василиска, которого перед этим убил.